

УДК 930.1.1:316.752

КОММУНАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ ТРУДА И ТВОРЧЕСТВО

С. Б. Бахитов

THE COMMUNAL ESTRANGEMENT OF LABOUR AND THE CREATIVE WORK

S. B. Bakhitov

Проблема отчуждения труда остается одной из самых актуальных. В России это отчуждение имеет свою историческую специфику. Изучение этой специфики, на наш взгляд, требует обращения к критическим исследованиям советского общества с использованием проблемно-историографического метода. В статье подробно рассматривается концепция «коммунального общества» А. А. Зиновьева и эволюция его взглядов под влиянием постсоветской реальности. Исследуется также концепция зарождения, развития и краха советского общества С. Г. Кара-Мурзы. Результатом краха советской системы и развития «новой экономики» Запада стал глобальный переход к капиталистическому сервисно-рентному способу производства, для которого характерно резкое усиление отчуждения труда. Рассматриваются также концепции развития творчества при современном капитализме, принадлежащие Х. Арэнд и Р. Флориде. Статья позволяет путем проблемно-историографического обобщения выявить некоторые особенности отчуждения труда и творческой деятельности как в советском, так и в постсоветском обществе.

The problem of estrangement of labour is the most topical in our time. In Russia this problem has the historical specifics. The author of the paper examines A. A. Zinoviev's conception of "communal society" and the evolution of his views in the post-soviet time, describes S. G. Kara-Murza's conception of forming, development and collapse of the Soviet society. Contemporary capitalist society after the collapse of the Soviet communism is a capitalist service-rent society. In this society we can see the strengthening of the estrangement of labour. The author also examines the creative work in the contemporary capitalist society within R. Florida's and H. Arendt's conceptions. The problem-historiographical investigation discovers some historical specifics of the estrangement of labour and the creative work in the Soviet and post-Soviet societies.

Ключевые слова: отчуждение, коммунальное общество, коммунизм, сервисно-рентное общество, творчество.

Keywords: estrangement, communal society, communism, service-rent society, creative work.

Проблема отчуждения труда, впервые поставленная Г. В. Ф. Гегелем, приобретает особое значение у К. Маркса. В условиях капитализма деятельностное саморазвитие, по мнению К. Маркса, превращается в свою противоположность – в самоотчуждение [13, с. 91]. Важнейшим элементом отчуждения становится разделение труда в условиях промышленной революции: «По мере развития этого разделения труда, с одной стороны, и накопления капиталов, с другой, рабочий все в большей и большей степени попадает в полную зависимость от работы, и притом от определенной, весьма односторонней, машинообразной работы. Наряду с духовным и физическим принижением его до роли машины, с превращением человека в абстрактную деятельность и в желудок, он попадает все в большую и большую зависимость от всех колебаний рыночной цены, от применения капиталов и прихоти богачей» [13, с. 50]. Отечественный автор Е. Я. Режабек, анализируя концепцию К. Маркса, отмечает: «Если в рамках системы ее взаимовосполняющие члены испытывают перманентное состояние недовоспроизводства, самообеднения внутренних потенций, то тем самым подрывается и сила их объединения: иначе говоря, система начинает клониться к упадку, дисфункциональные расстройства в содержании системы угрожают ей катастрофой» [15, с. 57].

Эта проблема весьма актуальна и для современной историографии, в т. ч. и с точки зрения ее использования в области исторического прогнозирования (если,

конечно, нет религиозной веры в вечность капитализма – перед верой наука бессильна). Специфический вариант отчуждения труда, на наш взгляд, начал складываться после победы коммунистической революции в СССР. К рассмотрению его специфики, думается, следует обратиться особо, так как, по мнению К. Маркса (которое автор этих строк разделяет), коммунизм есть преодоление отчуждения труда. Однако, в силу незрелости нового способа производства в СССР и «азиатской» (по терминологии Ю. С. Семенова – политарной) сущности старого способа производства здесь отчасти реализовался прогноз Г. Маркузе, сделанный им еще в 1941 г., что если обобществленные средства производства «...не будут использоваться для развития и удовлетворения потребностей свободного индивида, они просто перерастут в новую форму подчинения индивидов гипостазированному всеобщему» [14, с. 362]. Для изучения данного явления, как кажется, особенно интересны исследования такого отечественного мыслителя, шедшего против общего течения официальной социологии, как А. А. Зиновьев, рассматриваемые в контексте современных тенденций развития.

В своих ранних социологических работах, написанных и опубликованных в эмиграции или накануне, А. А. Зиновьев, говоря о проблемах коммунистического общества, отчасти отождествляет коммунизм и коммунальное поведение. Особенно важна для понимания его концепции, как нам кажется, работа «Коммунизм как реальность» (1981 г.). В самом начале работы

А. А. Зиновьев пишет: «Коммунизм не есть нечто выдуманное злоумышленниками вопреки некоему здравому смыслу и некоей природе человека, как полагают некоторые противники коммунизма, а как раз наоборот – он есть естественное явление в истории человечества, вполне отвечающее природе человека и вытекающее из этой природы. Он вырастает из стремления двуногой твари, именуемой человеком, выжить в среде большего числа аналогичных тварей, лучше устроиться в ней, обезопасить себя и т. п., – вырастает из того, что я называю человеческой коммунальностью» [4, с. 26]. Вместе с тем, он не отрицает наличия противоречий между коммунистической системой и массовой коммунальностью, но считает их вторичными [4, с. 28].

Коммунальность у А. А. Зиновьева – поведение на основе коммунальных законов: «Примеры таких правил: меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя» [4, с. 64]. Всеобщее следование этим правилам приводит к господству такой формы конкуренции между индивидами, как привентация, когда важно не столько выделиться самому, сколько не дать выделиться другому, а распространение привентации ведет к победе посредственности [4, с. 65]. В конечном счете, за редкими исключениями, индивид оказывается под контролем своей группы (трудового коллектива), а саму группу обычно контролирует ее лидер (руководитель), отношения начальствования и подчинения и группового контроля становятся новой силой отчуждения взамен капиталистической эксплуатации [4, с. 75 – 77]. Социальным результатом господства коммунальности и для индивидов, и для коллективов, и для начальствующих лиц становится массовое усреднение при расцвете показухи [4, с. 78 – 80]. В отношении к труду коммунальность также приводит к всеобщему усреднению на уровне посредственности [4, с. 108].

При этом, А. А. Зиновьев не отрицал достоинств коммунистического общества: наличия гарантированного оплачиваемого отпуска и пенсий по старости и по инвалидности; возможности получать путевки в санатории или дома отдыха, в т. ч. со скидкой или бесплатно; бесплатную медицинскую помощь по месту жительства или работы; бесплатное образование и профессиональное обучение; формальную простоту жизни [4, с. 109 – 111]. Важной чертой зрелого коммунизма стало также право на труд [4, с. 107]. Наконец, А. А. Зиновьев указывал и на такие важные черты коммунального общества, как наличие взаимопомощи, взаимовыручки, обмена опытом, нежелательность не только выделяющихся, но и отстающих [4, с. 133].

Позднее, наблюдая разрушение коммунистического общества и его последствия, А. А. Зиновьев серьезно изменил свое отношение к коммунизму. В работе «Русская трагедия» (2003 г.) он пишет о советском человеке: «Если ты обладал какими-то полезными для общества способностями, хорошо учился и добросовестно работал, ты большую карьеру не сделал бы, но на достаточно высокий уровень поднялся бы без всяких карьеристских усилий. Основа советского общества позволяла многим миллионам людей жить достойно» [6, с. 9]. Сами принципы организации общества не выглядят для него теперь столь аморально: «...решаю-

щую роль играли личные способности, образование, деловые качества, поведение в коллективе. Играли роль, конечно, и другие, некоммунистические факторы: семейное положение, знакомства, карьеризм, стяжательство, коррупция и даже этническая принадлежность. Но они официально порицались и скрывались» [6, с. 61]. Можно сказать, что в результате антикоммунистического переворота положительные качества коммунального общества исчезли или резко ослабли, а отрицательные – резко усилились, будучи подкреплены официально насаждаемой идеологией и западным влиянием. Как пишет А. А. Зиновьев: «Доминирующую роль захватили западнистские принципы: принадлежность к слою и к группе, собственность, связи, предприимчивость на грани преступности и даже преступность и т. д. Люди почувствовали, что происходит социальное расслоение (имущественное прежде всего), причем на все будущее, и ринулись хватать кто сколько может» [6, с. 61]. Это, кстати, ставит под сомнение прямую связь между разгулом коммунальности и коммунистической системой. Косвенно отсутствие здесь прямой связи признал и А. А. Зиновьев, который в работе «Запад. Феномен западнизма» (1995 г.) писал, например: «По исследованиям социологов и психологов, более миллиона наемных работников в Германии является жертвами систематического психологического террора со стороны коллег. Многие исследователи условий труда считают центральной проблемой 90-х гг. преследование группой сотрудников своих «слабых» коллег. Рабочее место для огромного числа людей превращается в ад. Интриги, оскорбления, шантаж, угрозы, принуждение к сексу и т. п. являются обычными явлениями» [5, с. 71 – 72].

По мнению С. Г. Кара-Мурзы, советская (коммунистическая) система выросла в СССР из крестьянской общины в процессе массовой индустриализации [9, с. 101]. Важнейшей необходимой потребностью нового общества оказалось, по мнению С. Г. Кара-Мурзы, общее для марксизма и общинного мироощущения право на труд, вытекающее из обобществления средств производства: «Будучи частичным собственником всей суммы средств производства, человек имел право на использование какой-то части средств производства, имел право на рабочее место» [9, с. 272]. При этом в период зрелого социализма многое делалось для внедрения элементов творчества во все звенья производства: «В советской системе рабочие сообщали о своих наблюдениях инженеру или в БРИЗ (бюро рационализации и изобретательства), те – работникам отраслевого НИИ, посещающим завод. Через них импульс шел в НИИ АН СССР, оттуда приезжали посмотреть – и по той же ткани человеческих и организационных отношений шел обратный поток инновации» [10, с. 200]. В более ранний «сталинский» период модернизации немалую роль играло полурелигиозное подвижничество, основанное на вере в светлое будущее, что имело как положительные, так и отрицательные последствия: «По данным психофизиологии труда, произведенная в СССР в 30-е гг. работа теоретически не могла быть сделана при достигнутом тогда уровне питания. Но была сделана – потому что массы людей были «немножко Стахановыми». Строительство и работа стали подвижничеством. Частые неудачи, поломки и аварии, вызванные неумелостью, воспринимались как резуль-

тат действия тайных враждебных сил. Это толкало к поиску врага («ведьм»)» [8, с. 515].

В целом, по мнению С. Г. Кара-Мурзы, перед началом антикоммунистической кампании эпохи перестройки у большинства сформировался положительный образ труда: «По данным повторного Всесоюзного исследования образа жизни (1987 г.), для всех без исключения категорий населения ценность труда несомненна. Так, выбирая три важнейших для себя стороны жизни, 44 % опрошенных упомянули интересную работу (чаще отмечались лишь супружеское счастье и воспитание детей). 3/4 опрошенных в качестве важнейшего средства достижения успеха, благополучия в жизни отметили трудолюбие, добросовестное отношение к делу» [9, с. 245].

Почему же советский проект потерпел крах? По мнению С. Г. Кара-Мурзы, виноваты здесь урбанизация, неповоротливость идеологической элиты и прямое предательство значительной части номенклатуры и интеллигенции, вызванное желанием сделать все «как на Западе» [9, с. 211]. Если крестьянские потребности в гармонии с миром в значительной степени удовлетворялись за счет гармонии с природой, стрессовая жизнь больших городов породила потребность в большом количестве вещей-знаков (яркая витрина супермаркета, реклама модных брендов и т. п.), которая не была понята и принята правящей элитой [9, с. 213 – 214]. Надежность социального уклада многим (особенно молодежи) стала казаться избыточной, хотелось риска, авантюры, т. к. стремление к «приключению» заложено в нас биологически [9, с. 215 – 216]. По мысли С. Г. Кара-Мурзы, выходом из мира скуки могло стать творчество в широком смысле слова (от занятий искусством до воспитания своих детей). Но выяснилось, что не все мечтают о творчестве: «Во-первых, не все мечтают о творчестве, у многих эти мечты подавлены в детстве – родителями, садиком, школой. Во-вторых, значительная часть тех, кто мечтал, испытали неудачу при первой попытке и не смогли преодолеть психологический барьер, чтобы продолжить» [9, с. 218]. Получив достаток, многие молодые люди стали много есть и долго спать, озлобляясь на мир [9, с. 218].

Так что, коммунистическая система могла развиваться только на основе общинной полукрестьянской ментальности раннеиндустриального общества? Тогда это не коммунизм, а – по терминологии Ю. И. Семенова – индустриополитарное общество, исторический правопреемник азиатских деспотий. На наш взгляд, данный подход вызывает серьезные возражения. Революция Октября 1917 г. и последующие преобразования середины века были действительно прокоммунистическими, о чем свидетельствует формирование (пусть непоследовательное и неокончательное) нового отношения к труду у значительной части общества, в т. ч. и у горожан. Новый способ производства не утверждается окончательно ни за год, ни за пятьдесят лет. В процессе распространения нового способа производства в истории неоднократно встречался регресс, достаточно вспомнить рефеодализацию Северной Италии. Новый способ производства далеко не всегда сразу оказывается продуктивнее старого. Достаточно сравнить классическую римскую рабовладельческую виллу и хозяйство какого-нибудь магната эпохи Карла Великого. Даже в случае с капитализмом не все соответствует прогрес-

систской схеме: победил он в Западной Европе, как считает большинство исследователей, уже в XVII веке; одновременно этот век стал веком массового обнищания значительной части европейцев в связи с Тридцатилетней войной, глобальным похолоданием, революцией цен и прочими потрясениями; а техническая база под господство капитализма была подведена только в ходе промышленной революции конца XVIII – XIX вв. Если же говорить о коммунистическом способе производства, то очевидно, что обобществление основной массы средств производства (в исторически сложившейся форме огосударствления) является лишь первым шагом на пути его формирования, а реализация права на труд – вторым. Следующие шаги – реализация права на отдых и, самое главное, права на развитие личности – только намечались (например, в сфере образования, в творческой деятельности).

В современной западной историко-философской мысли (если отвлечься от постиндустриальных технократических утопий) существует весьма устойчивая тенденция к противопоставлению труда и творчества. Еще Ханна Аренд противопоставляла труд и создание. Труд, по ее мнению, связан с жизнеобеспечением. Он, конечно, приносит свои радости: «Благословение труда в том, что усилие и награда следуют друг за другом в таком же размеренном ритме как работа или еда, подготовка жизненных средств и их поглощение, так что весь процесс сопровождается чувством наслаждения подобно функционированию здорового тела» [1, с. 138]. Но это счастье весьма неустойчиво: тиски нищеты или скука богатства уничтожают стихийное чувственное блаженство [1, с. 139]. При этом в подобной ситуации оказываются все трудящиеся, включая и интеллигенцию: «Новоевропейский класс интеллектуалов, без которых наше общество все менее умеет обойтись и которых оно поэтому продуцирует в возрастающем количестве, имеет подобно своим древнеримским предшественникам мало общего с ремесленными профессиями; он работает – а не изготавливает – хотя и не «умом», но во всяком случае головой, не только метафорически принадлежащей к трудящемуся физическому телу. Поэтому он и неспособен достичь того, что объединяет самого скромного ремесленника с величайшим художником, а именно добавить новую, по возможности долговечную вещь к устроенному человеком миру» [1, с. 119 – 120]. Неразрывная связь труда и потребления, по мысли Х. Аренд, делает неосуществимым идеал К. Маркса, мечтавшего о всеобщем переходе к высшим формам деятельности: «Сто лет спустя после Маркса ложность этого умозаключения нам даже слишком ясна; animal laborans никогда не тратит свое избыточное время ни на что кроме потребления, и чем больше ему будет оставлено времени, тем ненасытнее и опаснее станут его желания и его аппетит» [1, с. 171].

Труду и потреблению Ханна Аренд противопоставляет создание: «Мастерство наших рук, а не труд нашего тела, homo faber, обрабатывающий данный материал в целях изготовления, а не animal laborans, телесно «сливающийся» с материалом своей работы, телесно поглощающий ее результат, создает то прямо таки несчетное множество вещей, совокупная сумма которых складывается в выстраиваемый человеком мир» [1, с. 175]. Однако далее она сама же замечает, что в современном мире «...созидательные способно-

сти в растущей мере ограничиваются специфической группой художественно одаренных людей» [1, с. 421]. Перед нами, таким образом, ремесленно-художественная утопия, в формировании которой сказывается влияние на Ханну Аренд ее учителей, К. Ясперса и М. Хайдеггера.

Менее явно элитарность проявляется в работе современного американского социолога Ричарда Флориды, посвященной так называемому креативному классу. Американский социолог отмечает рост значения креативности для развития современной наукоемкой экономики, а так же то, что «...капитализм втянул в свою орбиту таланты различных групп эксцентриков и нонконформистов, прежде исключенных из его экономики» [17, с. 20 – 21]. Для Р. Флориды креативность по сути противоположна тому, что А. А. Зиновьев называл коммунальностью: «Тогда как новая рабочая среда «профессионалов без воротничка» выглядит, несомненно, более расслабленной, чем старая, в ней на смену традиционным иерархическим системам контроля пришли новые формы самоорганизации, признание и воздействие со стороны коллег и внутренние формы мотивации, которые я называю «мягкий контроль». В подобной обстановке мы стремимся работать более независимо и с трудом выносим некомпетентность руководства и грубость начальников. Мы отказываемся от гарантии занятости в обмен на самостоятельность. Мы хотим не только приличной оплаты своего труда и навыков, но и возможности учиться и развиваться, влиять на содержание своей работы, контролировать свой график и выражать себя как личность посредством профессиональной деятельности» [17, с. 28]. Такой рост свободы креативного класса, отмечает Р. Флорида, связан, по его мнению, с тем, что средства производства теперь находятся в голове самих «креативщиков» [17, с. 52]. Общая доля креативного класса от всех работающих в США на 1999 г. оценивается американским социологом в 30 %, а суперкреативного ядра – в 12 % [17, с. 91]. Однако, противореча самому себе, Р. Флорида пишет, что этот класс в значительной степени концентрируется в определенных городах [17, с. 247], так что, как нам кажется, американский автор скорее склонен отождествлять креативный класс с суперкреативным ядром.

Кроме того, как отмечает сам Ричард Флорида: «Параллельно росту креативного класса происходит увеличение другой общественной группы, которую я называю обслуживающим классом. В нее входят профессии низкого уровня в так называемом обслуживающем секторе экономики, обычно низкооплачиваемые и исключают самостоятельность: работники общественного питания, сторожа и дворники, сиделки, секретарши, канцелярские служащие, охранники и т. д.» [17, с. 88]. Общую долю этого класса американский социолог оценивает в 43 % рабочей силы [17, с. 92].

Да и жизнь самого креативного класса оказывается не очень радостной: значительная его часть работает по краткосрочным контрактам, часто сверхурочно [17, с. 131 – 173]. Не всегда понятно, каковы социально значимые результаты роста креативного класса, сам же Р. Флорида говорит, что в первой половине XX в. принципиальных технических изобретений, меняющих жизнь обычного человека, было внедрено значительно

больше, чем во второй [17, с. 16 – 17]. Как отмечал современный отечественный критик глобализации С. А. Егишянц, «новая экономика» связана по большей части с избыточным потреблением: «В период кризиса от этих вещей отказываются сразу же – и казавшийся только что таким роскошным мыльный пузырь «новой экономики» благополучно лопается, моментально оставляя не у дел миллионы людей» [7, с. 62].

В чем же причина роста элитарности в оценках возможности совмещения труда и творчества? Современный отечественный философ-марксист А. В. Готнога считает, что ныне в мире в условиях кризиса капитализма формируется новый сервисно-рентный способ производства, характеризуемый утратой работниками личной свободы, расширением сферы услуг и связанных с ней трудоемких видов деятельности, распространением скрытой отработочной ренты на основе бюрократического произвола, превращением капиталистов в паразитирующий на обществе замкнутый класс-сословие рантье, дискриминацией молодежи, женщин, этнических и социальных меньшинств [3, с. 204 – 220]. На наш взгляд, следует говорить скорее о непомерном разрастании сервисно-рентного уклада, что (и тут мы полностью согласны с А. В. Готногой) свидетельствует о глубоком кризисе капитализма. Еще В. И. Ленин, описывая в начале XX века империалистический монопольно-финансовый капитализм, отмечал, что преобладание финансового капитала означает господство рантье и финансовой олигархии, видя в этом начало загнивания капиталистической системы [12, с. 357 – 397]. Несправедливость капиталистического отчуждения труда в новой системе достигнет явной очевидности: «...в сервисно-рентном обществе станет очевидным, что свободное от материального производства время есть подлинное богатство общества. Эту очевидность придаст крайняя степень несправедливости и социального неравенства, когда все общественно-свободное время будет присвоено господствующим классом рантье, а все остальное население, попав в личную зависимость, потеряет остатки свободного времени, которым оно располагало в капиталистическом обществе в нисходящей фазе его эволюции» [3, с. 233]. Думается, в нашем современном обществе справедливость данного тезиса для работников интеллектуального труда мог бы подтвердить почти любой преподаватель вуза, где количество обязательных к составлению (и не имеющих для преподавания практического значения) бумаг возросло раз в десять. Назначение всего этого вала бюрократической продукции зачастую заключается не в повышении качества работы, а в расширении возможности давления на работника. В России, согласно А. В. Готноге, ситуация осложняется тем, что общественный способ производства и в XX в., и в XXI в. сохраняет азиатские черты, связанные с деспотизмом и доминированием государственной собственности [3, с. 222]. Выход А. В. Готнога видит в переходе к коммунистическому способу производства, в котором сотрутся различия между творческой и нетворческой деятельностью. Впрочем, последнее может произойти и в рамках сервисно-рентной системы: «По мере роста и расширения «комплексно автоматического производства» репродуктивная функция труда почти исчезает. Тогда и станет окончательно ясно, что различия между «креативщиками», с одной стороны, и рабо-

чими и служащими – с другой, носят мнимый характер. Всем им придется лицом к лицу столкнуться с истинно противоположным классом – классом рантье» [3, с. 238].

В современном мире все более обостряются противоречия в отношениях между странами ядра и полупериферии мир-системы. Причина банальна – это стремление элит стран ядра присвоить себе ренту, получаемую элитами полупериферийных стран, превратив таким образом полупериферию в периферию. С другой стороны, как отмечает А. А. Вассерман, развитие компьютерных технологий уже в ближайшем будущем (т. е. к 2020-м гг.) создаст условия для формирования бездефицитной плановой экономики при возможности ежедневной корректировки плана [2, с. 10]. Правда, высокие затраты на НИОКР требуют для динамичного развития экономики весьма обширного рынка, соответствующего примерно 200 – 300 миллионам человек населения [2, с. 71 – 75]. Так что вариант Северной Кореи изначально тупиковый.

Рассмотренные в статье исследования показывают, что и отчуждение труда, и возможность творчества – это исторически изменчивые явления, трансформация которых напрямую связана со спецификой господ-

ствующего способа производства. Победа раннекоммунистического способа производства в СССР привела к значительному ослаблению отчуждения труда за счет утверждения в обществе права на труд, но не смогла превратить труд в творческую деятельность во всеобщем масштабе, как в силу широкой распространенности коммунальных отношений, так и в силу недостаточной технической базы. Ослабление зависимости представителей креативного класса от бюрократии в современных США осталось элитарным явлением и не привело к значительному ослаблению отчуждения труда в силу специфики самого капитализма. С развитием сервисно-рентных отношений для большинства трудящихся отчуждение в последнее время только растет. Таким образом, можно констатировать, что современные философские и социологические исследования при должном уровне критического к ним отношения могут стать определенным ориентиром для историков как при изучении исторической изменчивости форм отчуждения и творчества, так и при историческом прогнозировании. Философы и социологи часто пишут «вне времени», для историка же время, понимаемое как общий вектор социальных изменений, есть базовая категория.

Литература

1. Арэнд Х. *Vita active*, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Библихина; под ред. Д. М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
2. Вассерман А. А. *Чем социализм лучше капитализма*. М.: АСТ, 2014. 384 с.
3. Готного А. В. *Теоретико-методологические основания исторического прогнозирования*. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. 264 с.
4. Зиновьев А. А. *Коммунизм как реальность*. М.: Центрполиграф, 1994. 495 с.
5. Зиновьев А. А. *Запад. Феномен западнизма*. М.: Центрполиграф, 1995. 461 с.
6. Зиновьев А. А. *Русская трагедия*. М.: Эксмо, 2003. 512 с.
7. Егишянц С. А. *Тупики глобализации: торжество прогресса или игры сатанистов?* М.: Вече, 2004. 448 с.
8. Кара-Мурза С. Г. *Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы*. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 640 с.
9. Кара-Мурза С. Г. *Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней*. М.: Эксмо; Алгоритм, 2005. 768 с.
10. Кара-Мурза С. Г. *Оппозиция, или Как противостоять Путину?* М.: Алгоритм, 2010. 304 с.
11. Кара-Мурза С. Г. *Потерянный разум. Интеллигенция на пепелище России*. М.: Алгоритм, 2012. 752 с.
12. Ленин В. И. *Империализм, как высшая стадия капитализма* // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299 – 426.
13. Маркс К., Энгельс Ф. *Экономическо-философские рукописи 1844 года* / Соч. Изд. 2-е. Т. 42. С. 41 – 174.
14. Маркузе Г. *Разум и революция: Гегель и становление социальной теории*. СПб.: Владимир Даль, 2000. 541 с.
15. Режабек Е. Я. *Капитализм: проблема самоорганизации*. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. 320 с.
16. Семенов Ю. И. *Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней)*. М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
17. Флорида Р. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее* / пер. с англ. М.: Классика-XXI, 2005. 421 с.

Информация об авторе:

Бахитов Станислав Борисович – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель истории и общественных дисциплин БУ Сургутского профессионального колледжа русской культуры им. А. С. Знаменского, Россия, baxitova@mail.ru.

Stanislav B. Bakhitov – Candidate of History, Associate Professor, Lecturer in History and Social Disciplines at Surgut Professional College of Russian Culture named after A. S. Znamenskiy.

Статья поступила в редколлегию 07.04.2015 г.